

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Старые письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Старые письма / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 304 с.

ISBN 978-5-519-99086-8

ISBN 978-5-519-99086-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ренной нашими тѣлами. Закинуто въ безконечность это громадное кладбище, среди такихъ же планетъ-кладбищъ, и зачѣмъ оно вертится вокругъ солнца, какое назначеніе исполняемъ мы здѣсь, ради чего мучаемся, работаемъ, побѣждаемъ и покоряемся, любимъ и ненавидимъ? Стоишь у такой лавки стараго хламу, допрашиваешься—и ничего не узнаешь. Развѣ только, что нервы себѣ раздергаешь. А отсюда, изъ мрака, изъ-за прилавка—остро и пристально вглядывается въ тебя поросшій мохомъ купецъ. И онъ кажется удивительнымъ остаткомъ далекаго прошлаго. Двадцать-тридцать лѣтъ назадъ онъ также сидѣлъ тутъ, оглядывая тебя, точно и ты старая картина, выставленная на аукціонъ. Какъ-то занявшись этими «антикваріями», какъ они сами для пущей важности называютъ себя, я невольно заинтересовался ими. Они, дѣйствительно, живая лѣтопись времени, о которомъ у насъ смутны самыя воспоминанія. Одинъ, напр., не помнитъ ничего, что случилось за послѣднюю треть столѣтія. У него—и крестьянская реформа, и новые суды, и русско-турецкая война точно въ какую-то яму провалились, но онъ отлично рассказываетъ, какъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ приходилъ къ Смирдину въ магазинъ и бранилъ тамъ Греча съ Булгаринымъ. Самъ онъ былъ тогда у Смирдина приказчикомъ и своими людьми считалъ и Пелевого, и Кукольника. Къ нему жаловали Каратыгинъ, Сосницкій, а при имени Мочалова—онъ благоговѣнно снимаетъ шапку. Гоголя и по сей день онъ считаетъ писателемъ неважнымъ. «Чтожъ, онъ вѣдь больше о подлостяхъ. Ничего возвышеннаго въ немъ не было. Это не то, что «Рука Всевышняго отечество спасла» или: «Мельмотъ Скиталецъ». Я, вонъ, какъ грамотѣ обучился,—надъ «Алексисомъ или хижиною въ лѣсу» плакалъ. Тогда

хорошіе романы писали—читатель былъ больше помѣщикъ, дворянинъ. Народъ благородный, чистый,—ему надобны были высокія чувства. Потомъ, какъ начали чернедью интересоваться,—я потерялъ охоту къ книжкамъ. Богъ съ ними. Прежде и разбойникъ былъ герой, Фра-діаволо, напрімѣръ. Я, вонъ, на-дняхъ—племяннику приказалъ «Никласъ-Медвѣжьё лапу» вслухъ разбирать. По азамъ онъ; а въ душѣ все-таки парепіе!.. А теперь—выйди на улицу, да послушай извозчиковъ—то же самое. Кому подражать изволятъ! Знакомый у меня есть—въ газетахъ онъ. Нѣтъ, чтобы «великолѣпнаго князя Тавриды» Державинскимъ штилемъ изобразить,—онъ, вонъ, приказчиками интересуется. Какъ вы живете? А развѣ они живутъ? Только воздухъ портятъ». Я у этого старика часто покупалъ гравюры, рѣдкія книги, рылся у него во всякомъ хламѣ, разъ даже на Рюисдаля наткнулся, оказавшагося, при ближайшемъ знакомствѣ, плохую копію.

— Что-жъ,—утѣшалъ меня «антикварій»,—это, вѣдь, и въ людяхъ ошибаешься. Вамъ, вотъ, двадцати рублей жалъ, а я женился первый разъ такъ. Думалъ, добродѣтельная дѣвица,—и на мѣсто того у меня въ объятіяхъ офицерская «плѣпира» оказалась. Бывало, мимо оконъ—гвардейцы на разводъ идутъ,—а она сорвется, побѣлѣетъ вся, за сердце схватится и кричить: «погубилъ ты мою красоту, злодѣй!» А потомъ зацапаетъ гитару и воетъ: «старый мужъ, грозный мужъ, не боюсь я тебя!»—а у самой слезы такъ и льются фонтанами! Фаддею Венедиктовичу Булгарину я о ней рассказывалъ. Онъ меня утѣшилъ: «Оставь,—говоритъ.—Противъ офицера ты ничего подѣлать не можешь,—я самъ, вѣдь, гишпанскимъ капитаномъ былъ!» А вы на картину жалуетесь!

За послѣднее время Герасимъ Ефимычъ уже мало покупалъ старья. Предлагаютъ ему, бывало, а онъ только рукой отмахивается.

— Куда мнѣ — помирать пора! Самого скоро въ яму зароютъ! И то вчера мнѣ третья жена снилась. Богобоязненная дама. Все по монахамъ ѣздила, съ странниками водилась, сама, бывало, попрекаетъ меня: «изъ-за тебя, изверга, я въ ангельскій чинъ произойти не могу, потому, ежели бы ты, наконецъ, померъ, сейчасъ бы я въ Свято-Духовскую обитель постриглась. И зачѣмъ тебѣ жить-то?» Но, однако, я ее перехитрилъ. Она восемнадцать лѣтъ на Волковомъ поконится до радостнаго утра, а мы какъ никакъ, а существуемъ. Только теперь, кажется, лавочку придется записать — все, какъ останусь одинъ, особенно въ темнотѣ, чудится мнѣ, будто гдѣ-то «Со святыми упокой!» поютъ. Ну, такъ вотъ—вчера заснулъ я. Даже липоваго цвѣта на почъ съ шалфеемъ выпилъ... И вижу, вдругъ, открывается шкафъ и оттуда идетъ на меня богобоязненная супруга. Подошла къ постели, покачала этакъ головою и говоритъ: «Герасимъ, Герасимъ! Доколь тебѣ еще старое бѣлье носить? Ты посмотри—вѣдь оно расползлось совсѣмъ. Не на что и заплатъ ставить. А новаго заказать тебѣ не придется. Охъ, не придется! Хорошіе есть нынѣ ситцы, но только не для тебя. Ты бы себѣ простого коленкору!» И въ ту же минуту я проснулся и думаю—это она мнѣ непремѣнно о савалѣ! Что же, я готовъ. Пожилъ во благовременіи—будетъ. «Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ!» Изволите помнить, какъ хорошо это выражено у Гавріила Романовича? «Рѣка временъ въ своемъ движеніи—уноситъ всѣ дѣла людей—и топить въ пропасти забвенья народы, царства и царей!» Истинно, въ наше время сладкопѣвцы были!

ГЛАВА II.

Разъ я прихожу къ Герасиму Ефимычу. Сидитъ онъ надъ стаканомъ горячаго чаю. Поднялъ шубу кибиткой—изъ-подъ нея только острые глаза его такъ и нижутъ все передъ собою. Въ лавкѣ баба какая-то—чуть не плачетъ. У нея въ рукахъ мѣшокъ.

— Говорятъ тебѣ, иди... Не надо мнѣ твоей дряни.

— Да куда же я пойду? Не назадъ же тащиться! И то я съ Песковъ къ тебѣ.

— Ну, и ползи туда.

— А это?—тряхнула она мѣшкомъ.

— Хоть въ снѣгъ передъ лавкой вали. Мнѣ что за печаль!

Баба остановилась въ горестномъ изумленіи. Хмыкнула несомъ. Вотъ-вотъ, разревется. Даже глаза покраснѣли.

— Сколь невѣроятныя!—негодовалъ изъ-за прилавка Герасимъ Ефимычъ.—Полчаса я съ нею во-жусь. Христомъ Богомъ прошу—уйди, не застилай свѣта!

— Тебѣ легко!—разозлилась баба.—Ты шубу поднялъ, сѣлъ себѣ въ теплѣ, въ холѣ, за чай. А мнѣ какво!

— Что ей надо?—вступился я.

Баба обрадовалась.

— Да вотъ, господинъ, барыня у меня померши. А вчерась схоронили... Старая-старая была. Сказываютъ, семидесяти годовъ. Вотъ она какая... Ну, прибѣжалъ чиновникъ—внукомъ онъ ей приходится,—сейчасъ обшарилъ комоды съ сувенирами. Она все берегла. Бывало, сядетъ на диванъ, разло-

жить кругомъ разныя ленточки, цвѣточки, патреты, и давай плакать. Плачетъ и приговариваетъ. А то письма читаетъ. Съ очками еще могла... Пачечками у нея письма-то. Ну, и такъ выходило, что еще и одной не кончитъ пачечки, какъ упадетъ на диванъ и крикомъ на весь домъ: «Господи, Господи, и Ты все это видѣлъ и молчалъ!»—и сейчасъ биться. А потомъ, какъ придетъ въ себя—до утра передъ иконами на молитвѣ стоять...

— Ну, чего ты кудахтаешь?—вмѣшался Герасимъ Ефимычъ.—Всѣмъ вамъ бабамъ одна цѣна. Кратко вы не можете.

— Сичасъ я, сичасъ. Такъ вотъ чиновникъ этотъ самый перелазилъ по всѣмъ ящикамъ. Деньги, кои въ чулкахъ были,—взялъ. Что получше,—тоже. «потому, говоритъ, я семьей одержимъ, мнѣ нельзя иначе, у насъ, по многолюдству нашему, дырявал косынка—и та Божій даръ. Вотъ, по твоему, это стоптанный чулокъ? А у меня изъ него Витѣ отличный набрюшникъ выйдетъ. Потому шерсть-то аглицкая! Это понять надо...» Ну, забралъ онъ, что ему показалось, а остальное «на тебѣ (это мнѣ-то), моли Бога за нее, за упокойницу-то». Посмотрѣла я — пачки эти самыя — съ письмами... патреты старыя... Ужъ я сегодня ходила съ ними, ходила,—ноги и тѣ тоскуютъ. Куда мнѣ еще толкнуться?

— А сколько вы хотите за вашъ товаръ?

Она удивленно посмотрѣла на меня.

— Да тебѣ что?.. Ты развѣ этимъ торгуешь?

— Нѣтъ, не торгую.

— Дайте ей двугривенный, — вмѣшался Герасимъ Ефимычъ.—И пушай она за васъ Бога молить.

Баба вытерла показавшіяся было слезы.

— А може тутъ больше. Ты меня вотъ двугривеннымъ пужаешь, а вдругъ на это своя цѣна есть.

— Почему вы сами цѣните?

— Три рубля!— сказала и отъ страха замерла. Хлопаетъ глазами и думаетъ: «какъ дадутъ мнѣ въ шею за озорство мое».

— Ты бы сто спросила!— хохоталъ Герасимъ Ефимычъ.

— Я что же... Я такъ... Торгъ дѣло вольное. Я сбавлю. Мнѣ хоть сколько-нибудь.

— На-те вамъ... Я разберу дома письма. Можетъ быть, тамъ что-нибудь интересное.

Баба выхватила у меня изъ рукъ деньги и опрометью кинулась къ двери. «Еще передумаетъ-де!» Вышелъ я за нею, а отъ нея только хвостъ мотается за угломъ.

— Съ выгодной покупкой! — смѣялся Герасимъ Ефимычъ.— Бумажный заводъ открывать будете? Въ котлы всю эту труху? Процентъ бы съ васъ въ пользу магазина.

— Ничего, ничего. Надъ чѣмъ-нибудь старуха да плакала же?

— Для развлечения. Насмотрѣлся я на нихъ. Окромя пенциону да реву этого самаго— никакихъ онѣ и удовольствій себѣ не имѣютъ. Примѣрно, у меня сестра была. Царство ей небесное. Такъ въ дѣвствѣ и померла. Дѣвица была сурьезная. Ну, такъ она—къ семидесятому году, бывало, сядетъ на диванъ, передъ ней грецкіе орѣхи въ сахарѣ и пастила коломенская. Жуетъ и разливается слезами-то. Ну, думаю, разверзлись источники водные. О чемъ вы, сестрица?—спрашиваю. А она жалобно: «Другъ, Герасимушка,—и зачѣмъ нашъ папенька померли, насъ, сиротъ молодыхъ да неопытныхъ, въ суетѣ этой оставили». А папенька-то нашъ простой мужичекъ были—и когда ихъ землѣ предали, о томъ ни я, ни она не извѣстны-съ!

Я, тѣмъ не менѣе, не каялся... взвалилъ мѣшокъ съ письмами на извозчика и привезъ домой. Нѣ-

сколько дней подъ-рядъ я даже и ознакомиться не могъ съ своей покупкой. Не до того было. Жизнь мотала во все стороны. А тутъ какъ-то заболѣлъ и поневолѣ пришлось сидѣть дома. Дѣлать нечего. Погода за окнами—убійственная. Мететъ и востъ. Снѣгъ такъ и валитъ. Кого понесетъ ко мнѣ въ такой вечеръ? Скучаю,—и вдругъ вспомнилъ про недавнюю покупку. Развязалъ: старые, изодранные альбомы со стихами, альбомы съ карточками, пачки писемъ, завернутыя аккуратно, съ указаніями годовъ, пакетъ съ чѣмъ-то твердымъ—смотрю, два выцвѣтшихъ портрета на фарфорѣ и на ватманской бумагѣ. На первомъ—должно быть, красивый въ свое время, судя по сохранившимся еще чертамъ, офицеръ. На оберткѣ написано: «Демонъ своей Тамарѣ». На другомъ—рисованномъ—несомнѣнно очаровательная дѣвушка или очень молоденькая женщина. Мелко и неразборчиво на оборотѣ: «Тамара своему Демону», и ниже цисарскимъ почеркомъ:

«За смертію ссыльно-каторжнато Евгенія Образцова—возвращается, согласно его желанію, выраженному духовнику, вдовѣ полковника Ольгѣ Николаевнѣ Черемшовой». Годъ, мѣсяцъ, число, названіе завода и подпись какого-то майора, которую я такъ и не разобралъ.

Большая пачка писемъ съ такимъ-же официальнымъ заголовкомъ.

— Герасимъ Ефимычъ! Знаете, если бы вы тогда у бабы этой купили ея «труху», какъ вы выразились, я бы вамъ ста рублей не пожалѣлъ за нее, — заявилъ я антикварію, выйдя, наконецъ, изъ дома.

— Н-ну! Что же тамъ?

— Человѣческіе документы.

— Должно быть, фальшивые! Еще попадешься

съ ними! — понялъ онъ по своему. — Ну, ихъ, сожгите! Или въ полицію представьте. Она, не бойтесь, живо эту бабу найдетъ. Ихъ, дуръ, жалѣтъ нечего. Какими дѣлами занимаются!

ГЛАВА III.

Я недѣли двѣ тщательно разбиралъ пожелтѣвшія, выцвѣтшія и, судя по пятнамъ и слѣдамъ, не разъ заплаканныя старыя письма. Надо было на вопросы и объясненія «Демона» найти соотвѣтствующія посланія «Тамары», привести все это въ хронологическій порядокъ, что оказалось не легко. Періодъ времени, который обнимали «человѣческіе документы», равнялся пятнадцати годамъ. Въ немъ сосредотчивалась вся жизнь; то, что случалось потомъ со «вдовою подполковника», было уже медленною и мучительною агоніей. Вся жизнь съ розовыми зорями юности, съ мечтами, тонувшими въ золотистомъ свѣтѣ, съ обманувшими надеждами и страшною до дикости, безумною по своей несправедливости дѣйствительностью. Когда я дочиталъ эти листки почтовой, писчей и просто оберточной бумаги, — меня охватилъ ужасъ. Я долго не могъ опомниться и придти въ себя. Неужели это не кошмаръ, неужели все это было возможно и люди могли до того мучиться? Гдѣ-же высшая правда? Кому нужна была такая долгая и невѣроятная пытка? Чьи тяжкія вины искупали они передъ небомъ? И если съ его стороны весь этотъ позоръ, страданія, безконечная любовь были однимъ великимъ подвигомъ, въ какихъ дивныхъ мірахъ теперь этотъ серафимъ, заключавшій въ себѣ боли и обманы земного бытія? Разумѣется, я не могъ привести всѣхъ писемъ Евгенія Образцова и Ольги

Николаевны. Для этого мало было бы и нѣсколькихъ томовъ. Я возьму на выборъ изъ каждой отдѣльной эпохи ихъ жизни по нѣскольку. Въ другихъ — повторенія и мелочи, имѣвшія громаднѣйшій смыслъ только для этихъ, такъ много и сильно любившихъ и на землѣ такъ мало видѣвшихъ радости и счастья людей. Отъ двухъ могилъ — Черемшовой здѣсь и Образцова, затерявшейся гдѣ-то въ Сибири — вѣетъ безконечною печалью. И вмѣстѣ съ нею — отъ нихъ истекаетъ какой-то таинственный, мистическій свѣтъ. Въ немъ очищаются помыслы, сильнѣе чувствуется чужое горе и брата ищешь не на верху-горѣ, а далеко-далеко внизу, гдѣ гремятъ каторжныя цѣпи и въ непроглядную муку уходитъ человѣческая душа...

Переписка, которая велась въ приподнятомъ и восторженномъ тонѣ того времени, начинается коротенькимъ посланіемъ Евгенія Образцова:

«Я видѣлъ васъ вчера на балу... Вы только прошли мимо — но за вами остался свѣтлый слѣдъ... Я весь полонъ такого восторга, такого счастья... Я ничего не прошу, не хочу, не требую. Мнѣ только нужно еще разъ узрѣть волшебницу, упиться блаженствомъ встрѣчи съ нею, потеряться въ ея блескѣ. Отнынѣ моя жизнь — рѣшена. Или рай, или адъ! Уроните на меня одинъ взоръ вашихъ голубыхъ очей, и я увижу небо...»

Отвѣтъ измѣненнымъ почеркомъ: «Васъ просятъ быть послѣ-завтра въ Большомъ театрѣ».

«О, какъ вы безконечно добры. Я смотрѣлъ на васъ и понималъ: вы узпали, чье сердце отнынѣ живетъ только вами. Какъ прекрасна жизнь, какъ чуденъ міръ, въ которомъ вы! Я видѣлъ только васъ. На сценѣ пѣли о моемъ обожаніи. Артистка своимъ божественнымъ голосомъ передавала вамъ мою муку. Когда опера кончилась и вы встали,

чтобы уходить, я думалъ: мнѣ пора умереть. По вы оглянулись на меня. Въ вашемъ небесномъ взорѣ блеснула надежда, и я мысленно воскликнулъ: о, нѣтъ, помедли, смерть. Я хочу жить, жить, жить. Въ вашихъ волосахъ была чайная роза. Припните ее мнѣ—пусть она умретъ подъ моими поцѣлуями... Не оскорбляйтесь—вѣдь это все-равно, что цѣловать воздухъ, которымъ вы дышали, землю, гдѣ вы ходили...»

«Вы слишкомъ пристально на меня смотрѣли. Мама это замѣтила. Будьте осторожны. Полюбите эту розу, пусть она вамъ напоминаетъ ту, которая... Впрочемъ, я не хочу, чтобы вы смѣялись надо мною...»

«Мнѣ смѣяться надъ вами?... Мнѣ, боготворящему васъ! И вы могли написать это! Да знаете-ли вы, что каждая моя мысль о васъ—молитва, каждая мечта—обожаніе. Потребуйте, чтобы я умеръ,—и я буду счастливъ. Только уроните слезу на мою могилу и подумайте: міръ великъ, но въ немъ не найдется никого, кто бы такъ преданно и свято любилъ меня... Ваша роза передо мною. И плачу! Вѣдь она касалась васъ, на ней ваше дыханіе, она часть васъ самой...»

«Приходите въ Лѣтній садъ. Отъ трехъ до пяти вы встрѣтите тамъ чайную розу».

«За счастье, которое вы дали мнѣ сегодня, требуйте отъ меня всей моей жизни, и я еще буду въ долгу передъ вами... Когда вы уронили платокъ и я его подалъ вамъ, какимъ долгимъ-долгимъ взглядомъ вы меня подарили... Тамъ, въ небесахъ, суждены наши души одна другой. Ангелы записали это, и не людямъ расторгнуть божественный союзъ. Когда вы мнѣ сказали «merci», мнѣ показалось, что облака разверзлись и этотъ дивный голосъ слетѣлъ оттуда—изъ бездны свѣта